

На правах рукописи

МИХАЙЛУШКИНА Ольга Александровна

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ КОНЦЕПТЫ
В ПРОЗЕ В. П. АСТАФЬЕВА**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

- Научный руководитель – *Желтухина Марина Ростиславовна*, доктор филологических наук, профессор.
- Официальные оппоненты: *Зиньковская Анастасия Владимировна*, доктор филологических наук, доцент / ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры английской филологии
- Кравченко Ольга Александровна*, кандидат филологических наук / ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры», доцент кафедры иностранных языков
- Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Защита состоится «22» декабря 2016 года в 09.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.001.09 по филологическим наукам при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260 и на сайте университета <http://www.adygnet.ru>.

Автореферат разослан « »

2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

А.Ю. Баранова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное исследование посвящено изучению индивидуально-авторской концептосферы В. П. Астафьева на материале его прозы 1990–2000 гг. и выполнено в рамках теории языка, лингвоконцептологии, лингвоперсонологии, лингвокультурологии, лингвоаксиологии.

Объектом исследования является индивидуально-авторская концептосфера В. П. Астафьева. **Предметом** исследования выступают индивидуально-авторские концепты в художественном дискурсе В. П. Астафьева, вербализованные в его произведениях 1990–2000 гг.

Виктор Петрович Астафьев – писатель, в творчестве которого в полной мере отразились проблемы, характерные для российской действительности второй половины XX – начала XXI века. Как отметила Л.А. Тарасова, творения «Астафьева для нас – это подлинное открытие настоящей, реальной жизни. Каждая книга его заставляет задуматься о многом: о времени и о себе, о подлинных и мнимых жизненных ценностях, о войне и мире» (Тарасова 2006, с. 10). Этой характеристикой объясняется актуальность прозы писателя и сегодня, в XXI веке: перо художника фиксирует все нюансы общественной жизни второй половины XX – начала XXI вв., тем самым привлекая как читателей, так и исследователей русской словесности.

Актуальность данного исследования заключается в следующем: 1) одной из основных тенденций современной лингвоконцептологии является исследование индивидуально-авторских концептов, что может быть объяснено стремлением исследователей концептов наиболее полно описать художественные картины мира писателей и поэтов, отразивших в своих произведениях значительные периоды общественно-политической жизни определенной лингвокультуры; 2) В. П. Астафьева причисляют к классикам русской литературы, однако до настоящего момента работ, посвященных выявлению и анализу индивидуально-авторской картины мира этого писателя, не было; 3) описание образной и ценностной составляющих индивидуально-авторских концептов в художественном дискурсе В. П. Астафьева значимо для развития теории языка, лингвоаксиологии, лингвокультурологии.

Степень разработанности проблемы. Проблеме объективации концептов в различных лингвокультурах посвящены основополагающие труды отечественных и зарубежных когнитивистов, специалистов в области лингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвоперсонологии, лингвоаксиологии. Встречаются единичные работы, посвященные изучению отдельных концептов в творчестве В. П. Астафьева, его концептосферы на материале фрагментов его творчества. Например, интерес представляет исследование концепта и способов его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (Ю. Г. Бобкова). Успешным видится проведение психолингвистического и лингвокогнитивного анализа языковой личности В. П. Астафьева, таких основных концептов, объективированных в его интервью, как «друг», «интеллигент», «сердце», «бог», «родина», «природа»,

«дети», «мир», «война», «противник», «бесчеловечность», «русские», «творчество» (О. А. Нестерова). На материале заглавий художественных и публицистических текстов характеризуется концептосфера В. П. Астафьева, в которой выделяются такие концепты, как «жизнь», «судьба», «память», «печаль», «вера» (О. В. Фельде). Описываются концепты «жизнь» и «смерть» в прозе В. П. Астафьева 1980–1990-х гг. (А. А. Осипова). На материале текстов цикла «Затеси» исследуются концепты «вера» и «бог» в индивидуальной языковой картине мира В. П. Астафьева (Н. А. Сысоева). Дается индивидуально-авторская интерпретация концептов «вода» и «война» в прозе В. П. Астафьева (Т. А. Демидова). Описывается концепт «огород» в повести В. П. Астафьева «Ода русскому огороду» (И. В. Башкова) и др. Говоря об исследовании индивидуально-авторской концептосферы В. П. Астафьева, мы отмечаем отсутствие трудов, охватывающих все его творчество, либо основные периоды его творчества.

В основу данного исследования положена следующая **гипотеза**: в художественном дискурсе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. выделяются базисные индивидуально-авторские концепты «жестокость», «приспособленчество», «путь», «любовь», «самопожертвование», обусловленные особенностями языковой личности автора и тематикой его произведений; данные концепты реализованы как на вербальном уровне, так и на уровне сюжета, благодаря ситуативному поведению персонажей.

Цель работы – выявить специфику индивидуально-авторских концептов в прозе В. П. Астафьева.

Достижение указанной цели предполагается осуществить путем решения следующих **задач**:

- вычленив и описать базисные индивидуально-авторские концепты в художественном дискурсе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг.;
- раскрыть понятийную составляющую индивидуально-авторских концептов в прозе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг.;
- выявить образную составляющую индивидуально-авторских концептов в прозе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг.;
- охарактеризовать ценностную составляющую индивидуально-авторских концептов в прозе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг.

Научная новизна диссертации заключается в том, что: 1) выявлен и охарактеризован с лингвоаксиологических позиций ряд базисных индивидуально-авторских концептов в художественном дискурсе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг.; 2) установлено, что обнаруженные индивидуально-авторские концепты содержат как общекультурные смыслы, так и индивидуальную наполненность и индивидуальное оязыковление; 3) выявлены и охарактеризованы понятийная, образная и ценностная составляющие индивидуально-авторских концептов «жестокость», «приспособленчество», «путь», «любовь», «самопожертвование», реализующихся в художественном дискурсе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. и формирующих его художественную картину мира.

Теоретическая значимость работы заключается в изучении

специфики индивидуально-авторских концептов в прозе В. П. Астафьева, в результате чего лингвоконцептология обогащается новыми положениями, основанными на эмпирических наблюдениях сопоставительного плана. Результаты проведенного исследования, состоящие в уточнении характеристик базисных индивидуально-авторских концептов творчества В. П. Астафьева, можно считать также определенным вкладом в развитие теории языка, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, лингвоаксиологии.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в курсах языкознания, филологического анализа текста, интерпретации текста, в спецкурсах по лингвоконцептологии, лингвоперсонологии, лингвокультурологии, лингвоаксиологии, дискурсивной лингвистике, в частности по изучению художественного дискурса В. П. Астафьева, а также по истории русской литературы второй половины XX века. Материалы диссертации также могут быть использованы студентами и аспирантами при подготовке выпускных квалификационных работ.

Материалом исследования являются произведения последнего этапа творчества В. П. Астафьева – 1990–2000-х гг. (повести “Так хочется жить” (1995), “Обертон” (1996), “Веселый солдат” (1998) и рассказ “Пролетный гусь” (2001)). Выбор материала исследования объясняется тем, что указанные повести и рассказ составляют идейное продолжение романа «Прокляты и убиты». Третью часть романа «Прокляты и убиты» писатель хотел посвятить мирной жизни фронтового поколения. Тем не менее, замысел остался неосуществленным по причине ухудшившегося состояния здоровья (М. Н. Липовецкий, Н. Л. Лейдеман, А. П. Герасименко, С. В. Перевалова, Ю. С. Минералов). Наряду с этим повести “Веселый солдат”, “Так хочется жить”, “Обертон” и рассказ “Пролетный гусь” составили ненаписанное продолжение романа. Эти произведения представляют собой повествование о жизни людей, принимавших участие в Великой Отечественной войне. В указанных прозаических произведениях ключевыми ситуациями выступают конец войны, победа, возвращение с фронта и мирная жизнь в социальном пространстве второй половины XX века. Соответственно, в произведениях “Веселый солдат”, “Так хочется жить”, “Обертон”, “Пролетный гусь” зафиксированы основные социально-культурные ситуации и реалии второй половины XX века, характерные для русской лингвокультуры.

Единицей анализа выступают текстовые фрагменты, в которых нашли вербальное отражение индивидуально-авторские концепты в художественном дискурсе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг., а также эпизоды, которые эксплицировали концепты на ситуативном уровне.

Методика исследования. Цель и задачи настоящего исследования определили выбор методов анализа. В работе применены следующие методы исследования: дефиниционный анализ, концептуальный анализ, семантико-стилистический метод, контекстуальный анализ, интерпретативный анализ и

прием количественного подсчета. Дефиниционный анализ применялся с целью обозначения понятийного аппарата исследования. Концептуальный анализ позволил выявить и проанализировать индивидуально-авторские концепты в творчестве В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. Семантико-стилистический метод способствовал рассмотрению тончайших смысловых нюансов лексико-грамматических компонентов вербализованных концептов в художественном дискурсе В. П. Астафьева. Контекстуальный анализ использовался с целью интерпретации лексического материала по отношению к художественному смыслу. Интерпретативный анализ позволил составить объяснения моделей поведения персонажей. Прием количественного подсчета был использован для подсчета единиц текста, эксплицирующих индивидуально-авторские концепты в анализируемых произведениях В. П. Астафьева.

Методология исследования. Методологической основой работы является системный подход. Согласно принципам системного подхода, любое явление рассматривается как целостность в единстве всех его связей и отношений. Для комплексного анализа индивидуально-авторских концептов в художественном дискурсе В. П. Астафьева применяются лингвокультурологический, лингвокогнитивный, дискурсивный подходы (А. Н. Баранов, М. Р. Желтухина, В. И. Карасик, Т. И. Попова, В. Н. Степанов и др.).

Теоретической базой диссертационного исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области теории языка, социо- и психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, лингвоаксиологии, стилистики, риторики, а также теории дискурса, теории языковой личности.

В исследовании мы базируемся на определении концепта как комплексного образования, включающего в себя понятийный, ценностный и образный компоненты (В. И. Карасик), учитывая такие подходы в изучении концепта, как лингвокультурный (З. Х. Бижева, С. Г. Воркачев, М. Р. Желтухина, В. И. Карасик, В. В. Катермина, О. А. Кравченко, Н. А. Красавский, В. В. Красных, Е. Н. Лучинская, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, Ю. П. Нечай, А. В. Олянич, Г. Г. Слышкин, Р. Б. Унарокова, Ж. В. Фомина, А. Ю. Шаюк и др.), лингвокогнитивный (Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, Г. В. Гафарова, Е. С. Кубрякова, А. В. Кравченко, Дж. Лакофф, М. В. Никитин, И. А. Стернин и др.), психолингвистический (А. А. Залевская, А. К. Елина, А. А. Леонтьев, М. Х. Шхапацева и др.).

Мы опираемся на исследования, в которых базисные индивидуально-авторские концепты получают дополнительное смысловое наполнение, многогранно раскрывая художественный мир писателя (О. С. Выстропова, О. А. Дмитриева, М. Р. Желтухина, Н. Г. Клебанова, Н. А. Красавский, О. С. Макарова, В. В. Меняйло, В. П. Нерознак, И. И. Чумак-Жунь и др.).

Значимыми для нас являются работы, в которых концепт рассматривается в рамках дискурсивной лингвистики: в различных типах дискурса, в т.ч. в художественном дискурсе (М. П. Ахиджакова, А. Н.

Абрегов, Х. З. Багироков, А. Ю. Баранова, З. У. Блягоз, Л. А. Ерофеева, М. Р. Желтухина, А. В. Зиньковская, В. И. Карасик, В. В. Катермина, С. А. Кривошапка, Н. А. Кузьмина, Л. С. Макарова, С. В. Манджиева, Л. В. Миллер, В. Я. Мыркин, Р. Ю. Намитокова, А. В. Олянич; О. А. Пономарева; С. В. Серебрякова, Ф. К. Уракова, З. Р. Хачмафова, В. И. Шаховский и др.).

Изучение вербализации концептов базируется на достижениях лексикологии, фразеологии, стилистики (Б. М. Берсиров, Х. З. Багироков, Б. Ч. Бижоев, К. Бюлер, И. Б. Голуб, Б. М. Джандар, М. Джонсон, М. Р. Желтухина, А. М. Камбачоков, М. Н. Кожина, Дж. Лакофф, С. С. Неретина, О. Е. Павловская и др.).

С точки зрения литературоведения, учтены научные исследования, характеризующие основные направления и течения в современной русской литературе (А. П. Герасименко, В. А. Зайцев, В. Г. Зинченко, В. В. Компанец, М. Н. Липовецкий, Н. Л. Лейдерман, А. С. Немзер, А. И. Николаев, В. П. Руднев), а также работы, связанные с рассмотрением особенностей художественного творчества В. П. Астафьева (Л. Аннинский, П. Басинский, А. Большакова, П. А. Гончаров, В. В. Дегтярева, О. Н. Емельянова, А. Ю. Колпакова, С. И. Куняев, В. Я. Курбатов, А. Ланщиков, А. А. Осипова, Л. Н. Падерина, С. В. Первалова, Д. В. Польш, В. К. Размахнина, А. Б. Романюк, Вс. Сурганов, Л. А. Тарасова, И. В. Холодяков).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Базисными индивидуально-авторскими концептами в художественном дискурсе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. являются концепты «жестокость», «приспособленчество», «путь», «любовь», «самопожертвование». Реализация данных концептов в повестях «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат» и рассказе «Пролетный гусь» обусловлена языковой личностью В. П. Астафьева, кругом избранных писателем тем и идейным содержанием произведений.

2. Понятийная составляющая индивидуально-авторских концептов в прозе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. раскрывается в следующем: 1) *индивидуально-авторский концепт «жестокость»* ассоциирован со значениями «проявление агрессии», «безжалостность», «грубость» по отношению к кому-либо, действиями «убивать», «наносить удары», «причинять страдания», «унижать», «сжигать», а также имеет устойчивые связи с социальной средой рассматриваемых произведений, вербально выражен речевым поведением персонажей, а также эксплицирован на уровне поведения персонажей; 2) *индивидуально-авторский концепт «приспособленчество»* по своему лексическому значению коррелирует с семами «поведение приспособленца», «хамелеонство», «беспринципность», «приобретение чего-либо за счет других» и эксплицирован в рассматриваемых текстах на уровне эпизодов, а также вербально в характеристике поведенческих моделей второстепенных и эпизодических персонажей; 3) *индивидуально-авторский концепт «путь»* имеет устойчивые ассоциации «жизнь человека, ее течение», «путешествие», «поездка», «маршрут», «пространство для перемещения», «дорога»; 4) *индивидуально-*

авторский концепт «любовь» коррелирует со значениями “чувство глубокой привязанности”, “чувство расположения, симпатии”, “нуждаться в ком-либо как в необходимом условии своего существования”; 5) *индивидуально-авторский концепт «самопожертвование»* устойчиво связан с семой “жертвование собой, своими личными интересами во имя кого-либо”, не получает прямой номинации, эксплицируется ситуативно.

3. Образная составляющая индивидуально-авторских концептов в прозе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. реализуется следующими наиболее частотными стилистическими средствами: 1) *индивидуально-авторский концепт «жестокость»* (18) – метафора, эпитет, сравнение; 2) *индивидуально-авторский концепт «приспособленчество»* (14) – разговорная и просторечная лексика, метафора, эпитет; 3) *индивидуально-авторский концепт «путь»* (13) – метафора, эпитет, разговорная и просторечная лексика; 4) *индивидуально-авторский концепт «любовь»* (13) – метафора и эпитет; 5) *индивидуально-авторский концепт «самопожертвование»* (11) – заимствование, разговорная лексика, эпитет.

4. Ценностная составляющая индивидуально-авторских концептов в прозе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. характеризуется тем, что за выявленными концептами закреплены позитивные и негативные аксиологические характеристики: 1) *индивидуально-авторские концепты «жестокость» и «приспособленчество»* обладают негативно-ценностным потенциалом; 2) *индивидуально-авторские концепты «любовь» и «самопожертвование»* наделены позитивно-ценностным потенциалом; 3) *индивидуально-авторский концепт «путь»* отличается амбивалентно-ценностным потенциалом.

Апробация работы и внедрение. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на заседаниях и научных семинарах научно-исследовательских лабораторий «Аксиологическая лингвистика» и «Дискурсивная лингвистика»; на IV Международной научно-практической конференции «Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований» (Пенза, 2013), на VII Международной научной конференции «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, 2013), на Межрегиональной научной конференции «Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования» (Волгоград, 2013), на III Всероссийской научной конференции молодых ученых «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (Екатеринбург, 2013), на XVIII Региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2013), на LXVII научной конференции студентов ВГСПУ «Интеграция научно-исследовательской работы студентов в инновационную деятельность ВГСПУ» (Волгоград, 2014), на Научно-практической видео-конференции «Литературные портреты» (Волгоград, 2014), на LXVIII научной конференции студентов ВГСПУ «Проектная деятельность как фактор формирования активной исследовательской позиции» (Волгоград,

2015), на Международной научно-практической конференции «Современные технологии обучения иностранным языкам» (Ульяновск, 2016), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Эффективность массовых коммуникаций: социальные и языковые аспекты» (Москва, 2016).

Результаты исследования отражены в 12 публикациях общим объемом 4,79 п.л., включая 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Объем и структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, лексикографических изданий, списка источников материала, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА**» даются определения концепта и концептосферы, описывается индивидуально-авторская концептосфера как воплощение индивидуальной картины мира писателя, рассматриваются индивидуально-авторские концепты в художественном дискурсе В. П. Астафьева.

В настоящее время теория концептов в языкознании исследуется в двух направлениях: лингвокогнитивном (Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин и др.) и лингвокультурном (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, В. В. Красных, Г. Г. Слышкин и др.). Для первого направления характерно выявление способов языковой объективации переживаемого человеком опыта, для второго актуальным является этнокультурная или социально-групповая специфика осмысления данного опыта (В. И. Карасик), изучение концептов от культуры к сознанию.

В. И. Карасик в своей работе «Языковые ключи» (2007, с. 33) разграничивает *когнитивные* (индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность) и *культурные* концепты (коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры).

В своем исследовании мы опираемся на лингвокультурную дефиницию В.И. Карасика, который рассматривает *концепт* как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» (Языковой круг: личность, концепты, дискурс, 2002, с. 91).

Как справедливо замечают Н. А. Красавский (2015, с. 7) и И. И. Чесноков (2009, с. 10), *концептосфера* представляет собой совокупность концептов, для которой, несмотря на упорядоченность мыслительных категорий, свойственна временная и социальная изменчивость, связанная с познавательной человеческой деятельностью, а также аксиологической интерпретацией получаемого жизненного опыта.

Соответственно, *индивидуально-авторская концептосфера* – это

совокупность индивидуально-авторских концептов, вербализованных в произведениях художников слова и выражающих особый, авторский взгляд на социальную действительность, ее восприятие и оценку. Исследование концептосферы предполагает анализ концепта как психического образования.

Количественная исчерпаемость концептов в лингвокультурологическом плане обуславливает интерес к изучению индивидуально-авторских концептов. Н. А. Красавский в коллективной монографии «Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты» (2012, с. 111) также отмечает стремление исследователей наиболее полно описать характеристики индивидуально-авторских концептов, раскрывающих «системы авторских ценностей, часто оформленных образами, которыми мыслит» художник слова. Таким образом, адресат художественного текста сталкивается с картиной мира писателя, которая может быть интерпретирована как «система интуитивных представлений о реальности» (Руднев, <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt>). При воспроизведении реальности писатель внушает адресату ценностные ориентиры, значимые, по мнению автора, для него и для других. Сущность художественной картины мира состоит в концептуализации и категоризации индивидуального мироощущения писателя по законам художественного творчества, что придает ей субъективизм и уникальность. Элементами картины мира творца-писателя мыслятся базовые культурные и индивидуально-авторские концепты.

Исследование индивидуально-авторской концептосферы предполагает выделение смысловых приращений, которые получают многие базовые для коллективного сознания концепты. Дополнительные оттенки смысла, частотность употребления, а также аксиологическая составляющая концептов позволяют сделать вывод о значимости того или иного концепта в художественном мире автора (Н. А. Красавский). Помимо этого, следует учитывать, что концепт вербализуется при помощи лексем, совпадающих с его наименованием, синонимами, членами тематических групп и рядов, а также описывающими его лексемами. Н. С. Болотнова указывает, что средства и способы выражения индивидуально-авторских смыслов отражают идиостиль писателя и позволяют постичь глубинный смысл текста и оценить его коммуникативный эффект. Следовательно, актуальным становится исследование семантики и прагматики текста. Однако автор не сразу раскрывает читателю аксиологические ориентиры своего художественного мира. Для построения гармоничного диалога «автор – читатель» адресат поэтапно приобщается к мироощущению писателя с учетом общности языка, тезауруса, интенций, восприятия социальной, исторической, национальной среды, отраженной в художественном произведении (см. подробнее: Болотнова Н. С. Гармонизация общения и теория регулятивности художественного текста, 2004).

Наше исследование сосредоточено на анализе индивидуально-

авторских концептов «жестокость», «приспособленчество», «путь», «любовь», «самопожертвование» в художественном дискурсе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. *Художественный дискурс* мы трактуем как «социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, личные знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку изменить «духовное пространство» человека и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию» (Самарская Т. Б., Мартиросьян Е. Г. *Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста*, 2012, с. 20).

Выбор индивидуально-авторских концептов «жестокость», «приспособленчество», «путь», «любовь», «самопожертвование» обусловлен рядом причин: 1) ролью понятийной составляющей индивидуально-авторских концептов в сюжете произведений “Веселый солдат”, “Так хочется жить”, “Обертон”, “Пролетный гусь”, 2) частотностью проявлений базовых значений указанных индивидуально-авторских концептов путем применения различных стилистических средств и приемов в прозе В. П. Астафьева, 3) аксиологическим потенциалом индивидуально-авторских концептов, составляющим ценностные ориентиры персонажей в рассматриваемых художественных текстах. Аксиологически положительными являются концепты «любовь» и «самопожертвование», аксиологически отрицательными – концепты «жестокость» и «приспособленчество». Реализация данных концептов рассматривается как на вербальном, так и на ситуативном уровне художественных текстов В. П. Астафьева. Амбивалентно-ценностный концепт «путь» рассматривается не только как самостоятельное, отдельное от других концептов, ментальное образование, но и как пространство, вмещающее в себя реализацию концептов «любовь», «жестокость».

Во второй главе **«ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ЖЕСТОКОСТЬ» И «ПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В. П. АСТАФЬЕВА 1990–2000-Х ГГ.»** характеризуются индивидуально-авторские концепты «жестокость» и «приспособленчество» в повестях В. П. Астафьева “Веселый солдат”, “Так хочется жить”, “Обертон” и его рассказе “Пролетный гусь”.

Индивидуально-авторский концепт «жестокость» ассоциирован со значениями “проявление агрессии”, “безжалостность”, “грубость” по отношению к кому-либо, действиями “убивать”, “наносить удары”, “причинять страдания”, “унижать”, “сжигать”, а также имеет устойчивые связи с социальной средой рассматриваемых произведений, вербально выражен речевым поведением персонажей, а также эксплицирован на уровне поведения персонажей. Реализация индивидуально-авторского концепта «жестокость», включающего следующие смысловые параметры: “беспощадное, безжалостное поведение по отношению к другим людям” (“убивать”, “топтать”, “унижать”, “наносить удары”), а также “суровые,

тяжелые условия повседневности” (нищета, голод, отсутствие нормальных жилищных условий, безработица), объясняется не только воспроизведением военного времени 40-х гг. XX века, но и репрезентацией событий послевоенного времени. Отметим, что зачастую индивидуально-авторский концепт «жестокость» обусловлен социальным пространством, в котором проходит сознательная жизнь персонажей, а также осуществляются события с социально-общественной значимостью. Пространство социума лишено каких-либо идеализаций: писатель фиксирует общественные проблемы XX века.

В качестве иллюстрации рассмотрим реализацию понятийного параметра “убивать” на примере повести “Веселый солдат”: *«Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне»* (с. 3). О том, что происходящее не является чем-то особенным для главного героя, свидетельствуют мысли персонажа: *«Это я убил его! – остро протыкало усталое, равнодушное, привычное к мертвецам и смертям сознание. – Я убил фашиста. Убил врага. Он уже никого не убьет. Я убил. Я!..»* (с. 8). Представленный пример демонстрирует обыденность происходящего и жестокость главного героя, который привык убивать и относится к этому равнодушно, без жалости. Морфологический повтор грамматической формы прошедшего времени «убил» оязыковляет индивидуально-авторский концепт «жестокость». Вместе с этим повторение конструкции “Я убил” является комбинацией синтаксического параллелизма и лексического повтора, представляя собой лексико-синтаксический параллелизм.

Понятийный параметр “убивать” эксплицируется и в ситуациях, посвященных описанию действий бандеровцев на Украине. Оказавшись по долгу службы в селе Подкобылинцы, главный герой повести “Так хочется жить” получает следующую информацию: *«Немедленно уезжайте! Там <...> живьем сожгли подполковника с сержантом <...> вечером пойдут по селу – резать и убивать»* (с. 43). В данной ситуации глаголы “резать”, “убивать”, “сожгли” оязыковляют индивидуально-авторский концепт «жестокость», характеризуя его понятийную сторону.

Рассматриваемый понятийный параметр вербализован в ситуации убийства разведчиком пленного немца в повести “Так хочется жить”: *«как борова, заколот пленного»* (с. 90). В данном примере находим сравнение человека с животным («как борова»): убийство немецкого военного мыслится как убийство животного. Индивидуально-авторский концепт «жестокость» осуществляется на основе приема сравнения. В целом, пример свидетельствует о том, что в ситуации войны жизнь человека перестает восприниматься как ценность.

Ситуация драки реализует понятийный параметр “наносить удары”. Обратимся к тексту повести “Так хочется жить”, в которой главный герой, вступив в конфликт со старшиной, *«тут же получил такой удар, что брызнуло из глаз, будто из бессемера, продувающего горячий чугун»* (с. 6). Жестокость удара передана в тексте благодаря сравнению: *«брызнуло из глаз,*

будто из бессемера». В рассмотренном примере индивидуально-авторский концепт «жестокость» вербализован путем сравнения глаз и бессемера.

Жестокость командующего состава частично обусловлена унижением, через которое тем пришлось пройти, что отражено в повести «Так хочется жить»: *«командиры сии прошли через унижение детства в детсадах, в отрядах, в школе, ну и, само собой разумеется, главное, вековечное унижение в армии. Поэтому, получив власть, сами могли только унижать подчиненных, унижаться перед вышестоящими начальниками»* (с. 29). Говоря об унижении, автор использует стилистический прием перечисления – амплификацию («в детсадах, в отрядах, в школе <...> в армии»). В данном случае амплификация усиливает представление о множественности и последовательности мест, в которых героям приходилось претерпевать унижение в художественном мире В. П. Астафьева. Взаимодействуя со старшими по званию, главный герой повести «Так хочется жить» выводит для себя общую формулу их поведения: *«чем выше чин, тем убийственнее от него происходит унижение»* (с. 76). В данном примере индивидуально-авторский концепт «жестокость» оязыковляется существительным «унижение» и наречием «убийственно», формирующими оценку ситуации как жестокую, губительную и фиксирующими понятийный параметр «унижать». Представленная персонажем «формула» базируется на сравнении.

Жестокость ситуации избиения зафиксирована и в песнях героини повести «Обертон». Обратимся к одной из них: *«Где твоя любимая, товарищ? / На чужой томится стороне/ <...> озлобленная Грета / Бьет хлыстом, кто под руку попал, / По глазам, которые ты где-то / И когда-то жарко целовал»* (с. 36-37). В данной песне обращает внимание следующая ситуация: *«озлобленная Грета бьет хлыстом <...> по глазам»*. В приведенном высказывании глагол «бить» имеет значение «наносить удары, побои; избивать» (Современный толковый словарь русского языка, 2001, с. 45). Указанные значения вербализуют индивидуально-авторский концепт «жестокость», создавая параметр «наносить удары». Выражение «озлобленная Грета» – синекдоха, состоящая в переносе названия части на целое. В песне персонажа Беллы речь идёт о немецких женщинах, поведение которых оценивается как «жестокое», о чем свидетельствует эпитет «озлобленная».

В рассказе «Пролетный гусь» воссоздана социальная действительность 1949 года, которая определяется в рамках концепта «жестокость» эпитетами и метафорой жизнь *«...трудная, тяжкая <...> катилась и катилась себе»* (с. 571). Лексема «тяжкая» имеет значение «очень тяжелая» и описывает социальную действительность послевоенного времени (Современный толковый словарь русского языка, 2001, с. 852). Многочисленные контекстуальные синонимические повторы слов и словосочетаний «тяжкий», «трудный», «урабатывались», метафора «выходных и праздных часов не знали» усиливают воздействующий эффект индивидуально-авторского концепта «жестокость».

Ситуация столкновения персонажей, оперирующих полярными

нравственными ценностями в рассказе описана следующим образом: в доме началась «...тихая, никому не ведомая война» (с. 579). Зафиксированная модель военной метафоры «человеческий быт, человеческая жизнь» – «война» также репрезентирует индивидуально-авторский концепт «жестокость» в рассказе “Пролетный гусь”. В рассмотренном примере автор обращает внимание адресата на то, что, игнорируя установление мирной жизни, отдельные персонажи не готовы к мирному сосуществованию с окружающими, а потому проявляют враждебность, агрессию и жестокость в отстаивании личных интересов.

Образную сторону индивидуально-авторского концепта «жестокость» оформляют преимущественно метафора (111,2%), эпитет (62%) и сравнение (48,7%). Используя анималистическое сравнение, автор соотносит понятия “мир людей” – “мир животных” при вербализации концепта «жестокость». Также присутствуют следующие фигуры: амплификация (13,4%), эллипсис (10,4%), синекдоха (7,7%). Представлены фразеологизмы (22,9%) и эвфемизмы (14,6%). При оязыковлении индивидуально-авторского концепта «жестокость» писатель также использует разную по стилевой окрашенности лексику. Находим употребление разговорной лексики (35,3%), бранной лексики (16,1%), просторечия (3,4%). Данные словоупотребления можно интерпретировать в рамках соответствия тематике изображаемого – ситуации военного времени. Отметим и натуралистичность в осуществлении индивидуально-авторского концепта «жестокость», которая обусловлена художественной задачей писателя: отразить войну без прикрас, выразить собственную “выстраданную” правду.

Индивидуально-авторский концепт «приспособленчество» по своему лексическому значению коррелирует с семами “поведение приспособленца”, “хамелеонство”, “беспринципность”, “приобретение чего-либо за счет других” и реализуется в рассматриваемых текстах на уровне эпизодов, а также вербально в характеристике поведенческих моделей второстепенных и эпизодических персонажей.

Дискурсивная экспликация индивидуально-авторского концепта «приспособленчество», включающего такие параметры, как “умение приспособливаться, подстраиваться под меняющиеся обстоятельства”, “исключать интересы окружающих людей”, “приносить страдания окружающим людям”, “проявлять беспринципность”, соотносится с проявлением эгоизма персонажами, что также получает негативную авторскую оценку.

Рассмотрим примеры, оязыковляющие индивидуально-авторский концепт «приспособленчество». Яркой иллюстрацией данного концепта может служить характеристика второстепенного персонажа Василия Деомидовича в повести “Веселый солдат”: «с сорок первого года и ровно по сорок пятый отсиделся в плену», «научился там манерам, обращению с ножами» (с. 14). Военная биография этого персонажа представляет модель поведения приспособленца, который приспособливается к обстоятельствам ради благополучной жизни. Отметим значение глагола “отсидеться”,

который оформляет смысловую сторону рассматриваемого концепта: «спасаясь от чего-либо, переживая, укрыться в защищенном, безопасном месте» (Современный толковый словарь русского языка, 2001, с. 482). Размышляя об этом персонаже, главный герой Виктор приходит к выводу: «сам сдался в плен, никто его туда не брал, не хватал, сам устроился там и с войны ехал как пан» (с. 14). В приведенном высказывании по своему значению глагол «устроился» идентичен глаголу «приспособился» и реализует индивидуально-авторский концепт «приспособленчество». Обратим внимание на сравнение «с войны ехал как пан». Лексема «пан» содержит значения “помещик”, “дворянин”, “хозяин” (Современный толковый словарь русского языка, 2001, с. 493). Используя данное существительное при сравнении, повествователь акцентирует быстрое и комфортное возвращение Василия Деомидовича с войны, что также становится свидетельством успешного приспособленчества второстепенного персонажа.

Индивидуально-авторский концепт «приспособленчество» вербализован и в ситуации возвращения с фронта второстепенной героини Калерии и ее супруга-капитана в повести “Веселый солдат”. Главный герой характеризует капитана следующим образом: служил в СМЕРШе, тем не менее «шпионов не ловил, состоял при каком-то хитром отделе какой-то армии и словил на боевых путях лишь сестру моей жены <...> Кроме Калерии капитан приволок из Германии множество всяких чемоданов, узлов, мешков» (с. 44). На уровне лексики индивидуально-авторский концепт “приспособленчество” реализован благодаря выражению «приволок из Германии множество всяких чемоданов, узлов, мешков». На уровне стилистики в рассматриваемых примерах отметим использование просторечной лексики («словил», «приволок», «манатки»), разговорной («узлы», «лоскутки»), а также метафоры («словил сестру моей жены»).

В рассказе “Пролетный гусь” индивидуально-авторский концепт «приспособленчество» вербализован благодаря ситуациям, характеризующим персонажей Мукомоловых. Возвращение этих персонажей в родной город описано следующим образом: вернулись «...с кучей добра, румяные, пригожие, на дворян похожие» (с. 576). Эпитеты «с кучей добра», «румяные», «пригожие» формируют представление о легкости послевоенной службы Владимира Мукомолова, когда всем было очень трудно, следовательно, также косвенно эксплицируют индивидуально-авторский концепт «приспособленчество». О супруге Мукомолова сообщается следующим образом: персонаж «...приобрел на фронте солидное тело и жену Нелли Сергеевну» (с. 570). Данное каламбурное высказывание построено на стилистическом приеме зевгме как разновидности эллипсиса, т.е. сокращения конструкции за счет “выноса за скобки” ее общего члена. В рассматриваемом случае зевгма занимает часть фразы и воспринимается как деталь, сообщающая яркую, очень заметную, хотя и второстепенную информацию, вербализует понятийный параметр “поведение приспособленца”.

При формировании образной стороны индивидуально-авторского концепта «приспособленчество» используются следующие стилистические средства: разговорная лексика (86,3%), метафора (42,4%), просторечная лексика (41,4%), эпитет (34,9%), бранная лексика (18,3%), специальная лексика (16,3%), фразеологизм (14,6%), сравнение (8,3%), заимствованная лексика (8,3%). Частотность употребления синекдохи, зевгмы, фамильярной лексики составляет 6,3% на каждое средство.

Ценностная составляющая индивидуально-авторских концептов «жестокость» и «приспособленчество» в прозе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. характеризуется тем, что данные концепты обладают негативно-ценностным потенциалом. Мы находим реализацию концептов «жестокость» и «приспособленчество» в поведении и речи персонажей, которые диаметрально противоположны главным героям по своим морально-нравственным установкам. Соответственно, в художественном дискурсе В. П. Астафьева поведенческие модели, построенные на реализации рассмотренных индивидуально-авторских концептов, представлены отрицательно.

В третьей главе **«ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ «ПУТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В. П. АСТАФЬЕВА 1990–2000-Х ГГ.»** описывается индивидуально-авторский концепт «путь» в повестях В. П. Астафьева “Веселый солдат”, “Так хочется жить”, “Обертон” и его рассказе “Пролетный гусь”.

Понятийная составляющая индивидуально-авторского концепта «путь» в прозе В. П. Астафьева 1990–2000-х гг. раскрывается в устойчивых ассоциациях: “жизнь человека, ее течение”, “путешествие”, “поездка”, “маршрут”, “пространство для перемещения”, “дорога”.

Индивидуально-авторский концепт «путь» содержит две составляющие: абстрактную и конкретную. Абстрактная составляющая представлена в концептосфере В. П. Астафьева благодаря реализации значения “жизнь человека, ее течение”. Конкретная составляющая обусловлена значениями “поездка, путешествие, передвижение куда-либо”, “дорога, полоса земли, служащая для передвижения”, “место для проезда, прохода”, “совокупность транспортных линий”. Понятийную сторону индивидуально-авторского концепта «путь» оформляют следующие характеристики: “старт” / “начало пути”, “финиш” / “конец пути”, “преодолимость”, “стадиальность”, “направленность”, “протяженность во времени”. Данные смысловые образования соотносятся с пространственными перемещениями персонажей исследуемых произведений. Преодоление пространства обуславливает трансформацию ситуаций в сюжете и обеспечивает взаимодействие персонажей.

В повести “Веселый солдат” частотно представлена модель «в пути»: “*Вы сами распродали в пути и пропили свое имущество*” (с. 11), “*Суток двое в пути я спал напропалую после львовской распределителки*” (с. 14), “*в пути <...> Клава спала не до самого глубокого конца*” (с. 16), “*Они в пути нас сохранили, сберегли*” (с. 47), “*отдался провидению – ехать-то было не к*

кому <...> двигался на восток, намереваясь в пути узнать характер своей супруги» (с. 3), «В пути, в народной стихии, баба моя присмирела» (с. 3), «в пути я узнал, что зовут его Сана» (с. 76), «по пути отвернул кран у вделанного в дымоходы бака» (с. 78). В представленных примерах лексема «путь» сочетает два значения: «расстояние, которое проходит или проезжает кто-либо» и «передвижение куда-либо, поездка, путешествие» (Современный толковый словарь русского языка, 2001, с. 657). Однако преодоление различных расстояний составляет неотъемлемую часть военной жизни персонажей. В рассматриваемых примерах модель «в пути» осуществляет одно из значений индивидуально-авторского концепта «путь». В рассматриваемых примерах находим просторечную лексику («баба»), разговорную лексику («напропалу», «распределилровка»). Помимо этого, обратим внимание на использование метафоры «отдался провидению». Стилистически книжная лексема «провидение» имеет значение «высшая божественная сила, направляющая судьбы людей и всего мира к благу» (Современный толковый словарь русского языка, 2001, с. 626). Соответственно, в данной ситуации персонаж отказался от каких-либо самостоятельных действий в надежде на помощь Бога. Таким образом, с помощью метафоры вербализован концепт «путь» в его понятийном значении «жизнь человека, ее течение».

Наряду со значением «жизнь человека, ее течение» лексема «путь» может обозначать и период жизни персонажа. Так, главный герой в повести «Веселый солдат» замечает: «Свой боевой путь был мне настолько неинтересен, что я его почти не касался, вспомню только иногда, где че сперли» (с. 48). Период войны для героев составляет отдельную жизнь, что отчасти подтверждено на композиционном уровне. Вспомним, что автор композиционно разделяет повести по принципу «военная жизнь – мирная жизнь». Таким образом, метафора соединяет два значения: «боевой путь» как период, часть жизни и «боевой путь» как отдельная жизнь персонажа. Оба значения соответствуют общему смыслу «жизнь человека, ее течение».

В повести «Так хочется жить» писатель задает смысловую составляющую рассматриваемого индивидуально-авторского концепта следующим образом: «Фронтовые дороги ведут в бесконечность и никогда не повторяются. Но их разнообразие, переменчивость, неудобь – не способствуют бодрости» (с. 3). Описывая дороги словом «бесконечность» и словосочетанием «никогда не повторяются», автор помимо масштабности течения жизни акцентирует неповторимость происходящих в окружающем мире явлений и их временную протяженность. Образное оформление индивидуально-авторский концепт «путь» получает благодаря метафорам «дороги ведут в бесконечность», «фронтовые дороги». При этом окружающая среда представляется в качестве открытой, склонной к изменениям системы, на что указывают такие лексические единицы, как «разнообразие», «переменчивость».

При этом жизнь человека трактуется автором в согласии с христианскими ценностями. К примеру, шофер-наставник главного героя

повести “Так хочется жить” отмечает: *«Всевышний будет им наставником, может, и сбережет, на путь истинный наставит»* (с. 16). Употребляемое слово «Всевышний» в сочетании с фразеологизмом «на путь истинный наставит» указывает на осознание героем того, что истинным творцом человеческой жизни является Бог, что именно Бог определяет жизненный путь человека.

Божественная предопределенность жизненного пути реализуется в отношении как главных, так и второстепенных героев повести “Обертон”. Так, рассказывая о второстепенных персонажах Ермиле и Кириле, Слесарев отмечает, что они *«Соединятся вот со своими сужеными и дальше будут идти по Богом им определенному пути»* (с. 30). Метафора “идти по Богом им определенному пути” эксплицирует несколько параметров концепта «путь». Во-первых, в рассматриваемом примере слово «путь» содержит сему «жизнь человека, ее течение» и оязыковляет концепт «путь». Во-вторых, прилагательное «определенный» по отношению к единице “путь” эксплицирует параметр “предопределенность”. В-третьих, употребление *«по Богом определенному»* свидетельствует о том, что писатель не уходит от православного мировосприятия: в художественном мире Астафьева жизнь человека определена Богом.

Повествуя об истории Марины и Данилы Солодовниковых в рассказе “Пролетный гусь”, автор отмечает: *«Свело их, Марину и Данилу, в долгом послевоенном пути прямо на железной дороге»* (с. 548). В данном примере концепт «путь» вербализован одноименной лексемой и наделен следующим понятийным параметром: “протяженность по времени”. Эпитеты «долгий», «послевоенный» конкретизируют ситуацию, оформляя понятийное значение “временная протяженность” в рассматриваемом концепте. Наряду с этим железная дорога становится особым пространством в рассказе, соединяющим жизни людей вместе зачастую на неопределенный срок. Эпизод случайного знакомства Данилы и Марины на одной из станций становится сюжетообразующим в композиции рассказа. Встреча меняет жизнь персонажей, выводит их на принципиально иной уровень: одинокие Марина и Данила становятся супругами. Таким образом, в представленном выше примере текста при помощи метафоры воспроизведено такое значение концепта «путь», как “жизнь человека, ее течение”.

Образная сторона индивидуально-авторского концепта «путь» воссоздана при помощи следующих стилистических тропов и фигур: метафора (161,6%), эпитет (92%), амплификация (9,8%), олицетворение (7,7%), оксюморон (5,3%). Также автор использует разную по своей стилистической окрашенности лексику: разговорная лексика (35,2%), просторечие (31,5%). Отметим использование фразеологизмов (15,8%), поговорок (10,4%) и устойчивых выражений (4,5), а также окказионализмов (12,2%).

Индивидуально-авторский концепт «путь» отличается амбивалентно-ценностным потенциалом: жизненный путь персонажей в целом может приобретать позитивную или негативную оценку. В зависимости от модели

поведения персонажей: ориентиры, векторы жизненного пути можно потерять или приобрести. Наличие четко оформленных нравственных ориентиров в жизни персонажа имеет положительную авторскую оценку. Потеря или отсутствие устойчивой системы моральных ценностей у персонажей в тексте маркировано негативно.

В четвертой главе «ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ЛЮБОВЬ» И «САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В. П. АСТАФЬЕВА 1990–2000-Х ГГ.» рассматриваются индивидуально-авторские концепты «любовь» и «самопожертвование» в повестях В. П. Астафьева “Веселый солдат”, “Так хочется жить”, “Обертон” и его рассказе “Пролетный гусь”.

Индивидуально-авторский концепт «любовь» коррелирует со значениями “чувство глубокой привязанности”, “чувство расположения, симпатии”, “нуждаться в ком-либо как в необходимом условии своего существования”. Автор не уходит от таких базовых словарных дефиниций лексемы «любовь», как “чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо”, “чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола”, “внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо”. Однако общеупотребительные значения не являются исчерпывающими.

В идиостиле В. П. Астафьева концепт «любовь» обретает следующие индивидуальные понятийные параметры: “явление божественного порядка”, “божественный подарок”, “шутки”, “насмешки”, “насмешливость”, “коварство”, “ожидание”, “тяготение к чему-либо”, “оружие”, “недостижимость”, “отсутствие романтического содержания”, “практическое обоснование выбора”, “долговременность отношений”, “желание защищать объект привязанности”, “именование ласковыми именами”, “пребывание рядом”, “пребывание вместе в любых обстоятельствах”, “разделять страдания”.

Отметим, что в художественном мире В. П. Астафьева функционирует четкое разграничение таких понятий, как «любовь-страсть» и «любовь-долг». «Любовь-страсть» подразумевает реализацию романтической модели в поведении персонажей, чувственного влечения. Ключевыми параметрами данного ментального образования являются “мимолетность”, “чувственное содержание”, “ожидание”, “шутки”, “насмешки”, “насмешливость”, “коварство”. Развитие долгосрочных отношений между персонажами, реализующими данную модель, не происходит.

Создание семьи, вступление персонажей в брак, наоборот, представлено в произведениях как события формального характера, не являющиеся результатом романтических отношений (реализуется параметр “отсутствие романтических отношений”). Причины, мотивирующие героев создать семью, можно определить как практические, бытовые. Тем не менее, семейная жизнь становится фактором, реализующим модель «любовь-долг». При этом в речи персонажей отсутствуют какие-либо определения семейных отношений. О реализации концепта «любовь» свидетельствует воплощение

следующих параметров: “пребывание рядом”, “пребывание вместе в любых обстоятельствах”, “разделять страдания”, “желание защищать объект привязанности”, “именование ласковыми именами”. Данные параметры образуют понятийную сторону индивидуально-авторского концепта «любовь».

Несмотря на изначальное отсутствие ощущения глубокой привязанности между главными персонажами повести “Веселый солдат”, герой характеризует свой брак следующим образом: *«Бог свел, соединил нас, и родители ее доказали всей своей жизнью, что женитьба есть, а разженитьбы нет»* (с. 31). Союз мужчины и женщины воспринимается главными героями повести как нечто богоданное, а потому долгосрочное, вечное. Вероятно, именно это ощущение поспособствовало диаметральному изменению ситуации в повести. Так, изначально не имея никаких привязанностей, влечения, тяготения под воздействием обстоятельств окружающего мира отношения героев трансформируются. Об этом свидетельствует и то, что главный герой забывает о приобретенных на войне шрамах на лице: *«Жена меня и такого любила, ну а если и не любила, то привечала и необидно, по-русски жалела»* (с. 46). Отметим, что глаголы “привечала”, “жалела” также свидетельствуют о наличии определенных симпатий, следовательно, вмещают в себя такое значение, как “чувство расположения”, которое включает индивидуально-авторский концепт «любовь» на уровне текста.

Значения “испытывать чувственное влечение к лицу другого пола”, “испытывать сердечную склонность” эксплицированы в описании модели отношений между второстепенным персонажем Павлом Андреевичем Чвановым и женщинами в повести “Так хочется жить”. В тексте находим: Чванова *«безумно любили женщины»* (с. 16). В приведенной цитате рассматриваемый индивидуально-авторский концепт «любовь» вербализует глагол «любить», а также наречие «безумно», характеризующее основное действие глагола дополнительными смысловыми оттенками: “очень сильно”, “неразумно”.

Пространство населенного пункта, куда комиссован герой повести “Обертон”, побуждает персонажей испытывать любовь: Оливия – место, *«где можно было <...> офицерам заводить романы, иногда заканчивающиеся женитьбой, и солдатам – правда, реже – случалось встретиться с любовью, этим вечно обновляющимся даром Господним»* (с. 4). В приведенном фрагменте текста обратим внимание на реализацию лексемы «любовь», содержащую в данном случае такие словарные значения, как “чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо”, “чувство расположения, симпатии к кому-либо”, “чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола” (Современный толковый словарь русского языка, 2001, с. 328). Значимо и то, что любовь в системе авторских ценностей мыслится как явление божественного порядка, подарок человеку от Бога. Высказанная мысль подтверждается текстом: *«встретиться с любовью, этим вечно обновляющимся даром Господним»* (с. 4). Сочетание

«встретиться с любовью» является метафорой, которая оформляет образную сторону исследуемого индивидуально-авторского концепта.

Однако в художественном мире Астафьева любовь мыслится не только как подарок, но и как испытание, приносящее страдания. «*Совсем тебя змея та подколодная запустила да заездила. Гитлер тебя ружьем подшиб, игрунья эта толстомясая любовью добивает*», – замечает второстепенный персонаж Тамара в разговоре со Слесаревым в повести “Обертон” (с. 10). В данном примере стилистически разговорная лексема «игрунья» и стилистически сниженная лексема «толстомясая», фразеологизм «змея подколодная» формируют негативную оценку поведения Любы. Использование военной метафоры («любовью добивает») аккумулирует такое значение индивидуально-авторского концепта «любовь», как “оружие”.

В рассказе “Пролетный гусь” при описании всеобщего ликования после победы в 1945 году, автор фиксирует приметы возвращения с фронта: «*Станция забита эшелонами и тучей народу <...> вечером затеялись танцы под аккордеон, любовь недолговечная закрутилась, мимолетные страсти вспыхнули*» (с. 549). В представленном отрывке текста лексема «любовь» реализована в значении “чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола” (Современный толковый словарь русского языка, 2001, с. 328). Однако характеристика “недолговечная” исключает какие-либо серьезные основания и долгосрочные перспективы. В этом плане не случайно представлена лексема «страсть», имеющая следующие значения: “сильное чувство, с трудом управляемое рассудком”, “сильная любовь с преобладанием чувственного влечения” (Там же, с. 802). Как видим, смысловое образование «сильное чувство» нивелировано характеристикой “мимолетные”. Таким образом, романтические, чувственные переживания в системе авторских ценностей не проходят проверку временем: любовь как романтическое ощущение недолговечна. Образная сторона рассматриваемого индивидуально-авторского концепта оформлена при помощи метафоры («любовь закрутилась», «страсти вспыхнули»), эпитетов («недолговечная», «мимолетные»).

Формирование образной стороны концепта «любовь» базируется преимущественно на таких стилистических приемах, как метафора (197,2%), эпитет (66,7%). Также частотны просторечная (23,4%), заимствованная лексика (20%), амплификация (16,7%), фразеологизмы (12,5%), разговорная лексика (11,7%). Реже используются поговорки (6,7%), гипербола (6,7%), сравнение (5,9%).

Индивидуально-авторский концепт «самопожертвование» устойчиво связан с семой “жертвование собой, своими личными интересами во имя кого-либо”, не получает прямой номинации, эксплицируется ситуативно. В художественном мире В. П. Астафьева индивидуально-авторский концепт «самопожертвование» реализуется в поведенческой модели персонажей, обладающих устойчивыми моральными ориентирами. Примечательно, что в художественном мире произведений В. П. Астафьева “жертвование собой” лишено пафосного содержания. Жертвы, которые совершают персонажи,

определены повседневностью, бытовыми условиями.

В повести “Так хочется жить” рассматриваемый индивидуально-авторский концепт «самопожертвование» реализован в поведении второстепенной героини Одарки Смыганюк, которая самоотверженно заботится о своем супруге: *«у мэнэ Мыколочку мий, який слабэсэнький, болізний, но я, шоб кинуты йёго, ни-ни, ни божечки мий»* (с. 66). Поведение этой героини представлено следующим образом: *«баюкая болезного, боялась его потревожить, не позволяла себе забыться, заснуть»* (с. 66). Важнее собственных потребностей для нее оказываются потребности больного супруга: *«Мыколочку мий нэ питый, нэ етый»* (с. 64). Образную сторону концепта оформляют следующие средства: фразеологизм, заимствованная лексика, эпитеты. Выражение *«ни божечки мий»* семантически относится к стилистически устаревшему фразеологизму «ни Боже мой». Употребление заимствованной лексики (*«шоб кинуты йёго», «нэ питый», «нэ етый», «слабэсэнький», «болізний»*) обусловлено персоной говорящего: речь коренной украинки построена на реализации украинского языка. Эпитеты *«слабэсэнький, болізний»* соответствуют русским лексемам (стилистически литературное “слабый, слабенький”, стилистически просторечное “болезный”) и создают образ персонажа, характеризуя его общее состояние.

В рассказе “Пролетный гусь” желание главного героя помочь больному сыну обуславливает реализацию индивидуально-авторского концепта «самопожертвование». Во время охоты на птиц в лесу, Данила произносит: *«Господи, помоги мне, нет, не мне, Аркашке, отроку хворому помоги»* (с. 581). Обратим внимание на выражение *“помоги мне, нет, не мне, Аркашке”*. Как видим из контекста, Данила обращается к Господу с просьбой помочь сыну, полностью игнорирует мысли о собственном благополучии (*«нет, не мне»* – просит персонаж). Персонаж способен совершить жертву во благо другого, оставляя приоритетность помощи за больным человеком. В рассматриваемой ситуации образную сторону индивидуально-авторского концепта «самопожертвование» оформляют единицы стилистически книжной (“отрок”) и просторечной лексики (“хворый”), а также обращение (“Господи”), глагол в повелительном наклонении в побудительном предложении (“помоги”), разговорный вариант имени, являющийся элементом разговорной лексики (“Аркашка”), отрицание (“нет”), местоименный повтор (“мне”).

Концепт «самопожертвование» реализован не во всех исследуемых произведениях. В повестях “Веселый солдат”, “Обертон” вербализация данного индивидуально-авторского концепта не выявлена. Мы рассмотрели реализацию индивидуально-авторского концепта «самопожертвование» в ситуациях, фиксирующих поведение второстепенных персонажей повести “Так хочется жить” и главных персонажей рассказа “Пролетный гусь”.

При воссоздании образной стороны индивидуально-авторского концепта «самопожертвование» в повести “Так хочется жить” используются преимущественно заимствованная лексика (63,6%) и эпитеты (18,2%), создающие образы персонажей и фиксирующие их речевое поведение.

Метафора (9,1%), фразеологизм (9,1%) наименее частотны при создании образной стороны рассматриваемого индивидуально-авторского концепта. Данные средства образно запечатлевают поведение персонажей, их аксиологическую позицию. В рассказе “Пролетный гусь” индивидуально-авторский концепт «самопожертвование» раскрывает образное наполнение благодаря употреблению разговорной лексики (45,5%), книжной лексики (9,1%), просторечной лексики (9,1%), обращения (9,1%), повтора (9%), сослагательного наклонения (9,1%), однородных членов предложения (9,1%).

Концепты «любовь» и «самопожертвование» получают позитивно-ценностную оценку в рассмотренных нами прозаических произведениях В. П. Астафьева. Ценностную составляющую концепта «любовь» формируют параметры “явление божественного порядка”, “божественный подарок”. Эти параметры становятся определяющими в авторском понимании концепта «любовь» и свидетельствуют о положительной ценностной оценке. Индивидуально-авторский концепт «самопожертвование» не является частотным в исследуемых произведениях. Это объясняется высоким положительным аксиологическим содержанием данного ментального образования.

В **заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования по выполнению поставленных цели и задач, а также намечаются пути дальнейшего исследования проблем, связанных с индивидуально-авторскими концептами в художественном дискурсе В. П. Астафьева и других авторов в различных лингвокультурах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Михайлушкина, О.А. Вербализация концептов «жестокость», «приспособленчество», «самопожертвование» в творчестве В. П. Астафьева (на материале рассказа «Пролетный гусь») / О.А. Михайлушкина // Вестник ЦМО МГУ. Серия Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 4. – С. 105–111 (0,88 п.л.).

2. Михайлушкина, О.А. Реализация концепта «путь» в творчестве В. П. Астафьева (на примере повести «Так хочется жить») / М.Р. Желтухина, О.А. Михайлушкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3(107). – С. 177–184 (авт. – 0,5 п.л.).

3. Михайлушкина, О.А. Индивидуально-авторский концепт «любовь» в художественном дискурсе В. П. Астафьева (на примере повести «Веселый солдат») / М.Р. Желтухина, О.А. Михайлушкина // Известия Московского городского педагогического университета. – 2016. – № 3(23). – С. 63–70 (авт. – 0,5 п.л.).

4. Михайлушкина, О.А. Индивидуально-авторские концепты «любовь» и «самопожертвование» в повести В. П. Астафьева «Так хочется жить» / М.Р. Желтухина, О.А. Михайлушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 8(62): в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 78–80 (авт. – 0,2 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

5. Михайлушкина, О.А. Система персонажей и авторская позиция в рассказе В. П. Астафьева «Пролетный гусь» / О.А. Михайлушкина // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. статей по мат-лам III Всерос. науч. конф. молодых ученых (8 февр. 2013 г.) : в 2 ч. / общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, Л.А. Запевалова, А.А. Ширшикова ; Уральский фед. ун-т. – Ч. 2 : Современные проблемы изучения истории и теории литературы. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2013. – С. 96–101 (0,38 п.л.).

6. Михайлушкина, О.А. Эмоциональное звучание повести В. П. Астафьева "Обертон" / О.А. Михайлушкина // Категории рационального и эмоционального в художественной словесности. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 167–172 (0,38 п.л.).

7. Михайлушкина, О.А. Диалог автора и героев в рассказе В. П. Астафьева «Пролетный гусь» / О.А. Михайлушкина // Сб. науч. мат-лов XVIII рег. конф. молодых исследователей Волгоградской области. Волгоград, 5–8 нояб. 2013 г. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ "Перемена", 2013. – С.40–42 (0,2 п.л.).

8. Михайлушкина, О.А. Семья в системе ценностных ориентаций героев рассказа В. П. Астафьева «Пролетный гусь» / О.А. Михайлушкина // Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. 5-6 окт. 2013 г. – Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2013. – С. 15–19 (0,31 п.л.).

9. Михайлушкина, О.А. «Музы не молчали»: смысловой аспект заглавия повести В. П. Астафьева “Обертон” / О.А. Михайлушкина // Лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации: сб. мат-лов межрег. конф. / Под ред. Е.В. Брысиной и В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во ЦДОД «Олимпия», 2014. – С. 394–400 (0,44 п.л.).

10. Михайлушкина, О.А. Рамочные компоненты повести В. П. Астафьева «Весёлый солдат» в диалоге с традициями русской классики / О.А. Михайлушкина // Литературные портреты: мат-лы науч.-практ. видеоконф., Волгоград, 4 дек. 2014 г. / М-во культуры Волгогр. обл, Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, М-во культуры Пензенской области, Пензенская обл. б-ка им. М. Ю. Лермонтова, Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т, Пензенский гос. ун-т. – Волгоград, 2015. – С. 88–92 (0,31 п.л.).

11. Михайлушкина, О.А. Ценностная составляющая индивидуально-авторских концептов / О.А. Михайлушкина // Современные технологии обучения иностранным языкам: междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 20 янв. 2016 г.): сб. науч. трудов / отв. ред. Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск : УлГТУ, 2016. – С. 227–232 (0,38 п.л.).

12. Михайлушкина, О.А. Эмоциональное воздействие на адресата: концепты "жестокость", "присособленчество", "самопожертвование" / О.А. Михайлушкина // Эффективность массовых коммуникаций: социальный и языковой аспекты: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием: сб. / под ред. Л.А. Итиуридзе, Е.В. Крутицкой. – М.: Издательство РГСУ, 2016. – С. 120–124 (0,31 п.л.).